

«ЗАЧЕМ НАМ ЭТА ШУМИХА?» ЛИДЕР ПРОФСОЮЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАВОДА FORD АЛЕКСЕЙ ЭТМАНОВ РАССКАЗАЛ „Ъ“ О ТОМ, КАК ПУБЛИЧНОСТЬ ПОМОГАЕТ ЕМУ ОТСТАИВАТЬ ИНТЕРЕСЫ РАБОЧЕГО КЛАССА, ПОДЕЛИЛСЯ ПЛАНАМИ В ОТНОШЕНИИ СОБСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ И РАСКРЫЛ ВОЗМОЖНЫЕ ПРИЧИНЫ НАПАДЕНИЙ НА НЕГО ПОСЛЕ ПОСЕЩЕНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА. МИХАИЛ СЕРОВ

SOCIAL REPORT: Считаете ли вы себя одним из лиц компании Ford в России, которые формируют имидж и репутацию компании?

АЛЕКСЕЙ ЭТМАНОВ: Я никогда не выступаю как представитель завода Ford, я всего лишь рабочий этого предприятия и член профсоюза. Для Ford я социальный партнер, как и наша организация.

SR: В рамках публичных мероприятий, которые организует ваш профсоюз, делая те или иные заявления, вы думаете о том, как это скажется на репутации Ford в России?

А. З.: Мы рабочие этого завода и не хотим, чтобы он закрывался. Но если есть целенаправленное и планомерное нарушение прав трудящихся, то мы не выбираем лозунгов. Мы заявляем о тех нарушениях, которые есть.

SR: Как у вас складываются отношения с работодателем?

А. З.: За рубежом взаимоотношения компании и профсоюзов регламентированы законодательством. К примеру, там компания обязана предоставлять информацию о своем финансовом положении. После ее изучения профсоюзы понимают, что требовать целесообразно, а что нет. В России чаще всего эта информация не предоставляется. У нас говорят, что если будут профсоюзы, то это потери компании. Работодатели не хотят такого партнерства с профсоюзами, как за рубежом. Здесь в профсоюзах они сразу видят не партнеров, а врагов, которым не стоит содействовать и предоставлять какую-то информацию, а лучше планомерно их уничтожить.

SR: Если вы не получаете никакой информации от компании, на основании чего вы тогда выдвигаете свои требования?

А. З.: С трудом, но мы все же получаем бухгалтерский баланс. Оцениваем, увеличилась ли производительность, увеличился ли рынок сбыта, как продаются машины. Исходя из этого и формируются все наши требования. Если прибыль компании увеличилась в несколько раз, а зарплаты выросли только на три процента, то это неравнозначно. Мы хотим, чтобы российские рабочие адекватно оплачивались. Потому что, приходя сюда, транснациональные корпорации рассчитывают прежде всего на дешевизну рабочей силы. Причем действуют двойные стандарты: средний менеджер у них сразу оценивается по европейским стандартам, а рабочие — это отбросы, которым можно платить по уровню региона.

SR: Кризис влияет на ваши текущие требования?

А. З.: Рабочие не должны платить за кризис. Если вы отправляете людей в вынужденный отпуск — хорошо, но сохраните зарплату, которую они имеют. Менедже-

АЛЕКСАНДР КОРЖКОВ

ры сохранят свои рабочие места, будут ходить на работу и получать свои 250 тыс. рублей, давайте лучше сократим 10 менеджеров.

SR: Как вы думаете, в чем причина того, что ваши выступления вызывают такое внимание в обществе?

А. З.: Потому что мы, наверное, единственный профсоюз, который работает на демократических началах и реально пытается отстаивать свою точку зрения. А со стороны наблюдают ведь не только из интереса, но и из зависти и злорадства.

SR: Почему другим независимым профсоюзам не удаются такие громкие акции?

А. З.: Нашему профсоюзу три года, а многим другим по три месяца, поэтому пока им нужно учиться.

SR: Вы сами где-нибудь обучались профсоюзной деятельности?

А. З.: Учился на собственном опыте. Еще я ездил посмотреть, как работают профсоюзы в других странах, например в Бразилии. Мы проводили семинары, закупили услуги профессиональных тренеров: переговорщиков, конфликтологов и других.

SR: А какое у вас образование?

А. З.: Техник-механик промышленного рыболовства и аквакультуры. Это рыбак — мастер добычи. Окончил Ленинградское мореходное училище Министерства рыбного хозяйства.

SR: Услуги профессиональных тренеров вы на какие средства закупили?

А. З.: Членские взносы помогали нам обучать рабочих.

SR: Их достаточно, чтобы содержать организацию?

А. З.: Выживаем.

SR: Со стороны вас больше никто не финансирует?

А. З.: Нет. Но у нас есть в уставе норма о добровольных пожертвованиях. Она использовалась во время забастовки, когда по всему миру собирались взносы солидарности в пользу бастующих рабочих на заводе Ford.

SR: Как у вас складываются отношения с другими профсоюзами, открыты ли вы к сотрудничеству с ними?

А. З.: Профсоюзы разные бывают, есть традиционные профсоюзы, которые возглавляют, например, заместители генеральных директоров предприятий. У нас профсоюз, в котором состоят только рабочие. И у нас разные задачи. Наш профсоюз не дополнительная удавка на шее рабочего, а прежде всего инструмент, которым он может отстаивать свои интересы. Сегодня есть профсоюз «Соцпроф», который накачивается деньгами из администрации президента для того, чтобы взять все активно работающие профсоюзы под свой контроль. Это другая схема, своеобразное рейдерство. И теперь это придаток «Единой России».

SR: А вы сами не думали заняться политической?

А. З.: То, что мы делаем, это уже политика. Если нас бьют — это большая политика, которую мы делаем. Просвещение людей — это и есть политика. Это большая политика, которая многим мешает, прежде всего коррумпированным органам власти. Когда трудящиеся люди созреют, чтобы делать свою политику, мы, конечно, будем вместе с ними.

SR: Вы не хотите создать свою партию?

А. З.: Мы обсуждали это с рядом политических движений в России, такая необходимость назрела. Думаем создать обширное, общероссийское общественно-политическое движение трудящихся. Если когда-нибудь из этого выродится партия, значит, она родится. Если все это сойдет на нет, значит, партия никакая и не была нужна. Ведь есть и внепарламентские формы борьбы. Чтобы пролоббировать тот или иной закон, может быть, иногда и не нужно, чтобы у тебя было 5–10 депутатов в Госдуме. Все будет зависеть от того, сколько человек выйдет на улицу, чтобы показать свое отношение к тому или иному закону. Вот когда мы выведем 300 тыс. человек на улицу, нам не будет нужен ни один депутат. Мы пролоббировать любой закон, который устраивает эти 300 тыс. человек. Я участвовал в 70-тысячной демонстрации в Бразилии в связи с открытием Всемирного социального форума. Люди идут и выражают свое мнение — это демократия. Выход на улицы — это, я считаю,

демократичный путь выражения мнения граждан. Я не хочу ждать следующих выборов, чтобы выразить свое мнение по отношению к тому или иному политику. Я хочу сейчас выразить свое мнение по отношению к закону, который меня не устраивает.

SR: Вы говорите, что, когда вас бьют, — это большая политика, что вы имеете в виду?

А. З.: Меня приглашали на разговор в администрацию президента. Мне предлагали возглавить структуру, которая смогла бы оппонировать ФНПР (Федерация независимых профсоюзов. — „Ъ“), и туда, пользуясь моим именем, загнали бы все свободные профсоюзы. Я отказался. После этого последовали два нападения.

SR: То есть это была месть?

А. З.: Ну заказа на убийство не было, иначе убили бы. Поломать просто хотели.

SR: А вы не идете на преувеличение фактов ради получения большего отклика в СМИ?

А. З.: Зачем нам эта шумиха? Вот когда на меня было первое нападения, мы даже и не думали, что это связано с моей деятельностью, думали — попытка ограбления, пока не поступил звонок, мол, если не прекращу свою деятельность, то всех поубивают.

SR: Такая ваша известность скорее помогает или мешает?

А. З.: Скорее мешает. Когда мы участвуем в создании локального профсоюза на том или ином предприятии, работодатели воспринимают нас как каких-то монстров, которые завтра придут и начнут бастовать.

SR: Версию, что недоброжелатели завода Ford устроили нападения, вы не рассматривали?

А. З.: У нас тоже сложилось впечатление, что первое нападение было организовано с целью, чтобы я заявил, что меня заказал Ford. Когда увидели, что я этого не делаю, последовало повторное нападение. Мы тоже все просчитываем, все-таки уже публичные люди и следим за тем, что говорим. Сейчас мы на 90 процентов уверены, что это не Ford. Есть варианты, когда компания замешана в такого рода мероприятиях, но это больше касается российских, а не западных работодателей. Если Ford хотел меня заказать, он бы сделал это еще три года назад.

SR: Вы из-за нападений стали с оружием ходить?

А. З.: Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. За два года существования нашего профсоюза — шесть нападений на профактивистов, и не одно не раскрыто. ■